ВЕЧЕРНИЙ ТАЛЛИН
г. ТАЛЛИН
14 ИЮН 1977

ФАНТАЗИЯ И ТОЧНОСТЬ

Штрихи к портрету артиста Государственного русского драматического театра Литовской ССР ЛЕОНИДА ВЛАДИМИРОВА.

На снимке: Л. Владимиров в роли Кэлина в спектакле «Святая святых».

Фото О. Бовшиса.

В «ЧЕТЫРЕХ КАПЛЯХ» у Леонида Владимирова две роли. Остановимся пока на одной, бессловесной, не названной в афише. Леонид Владимиров играет одного из гостей на празднике. Он еще не успевает ничего сделать, но по лениво пресыщенному выражению лица, по брезгливой складке рта догадываешься, что на веселье это его не очень тянуло, пришел оттого, что неловко было не прийти. Гость скептичен, его больше занимает собственная трубка, чем все, происходящее вокруг.

Потом, порядком выпив, он обмякает, ищет общения с людьми; когда компания затягивает песню, он пытается оказаться в центре, лихо дирижирует трубкой.

Следующая стадия — наступает тот момент, когда веселье постепенно угасает. Парочки томно топчутся под музыку. Герой Владимирова бродит среди них — неприкаянный, никому не нужный. Покрутившись без цели, он ложится прямо на пол, засыпает. И трубка вызывающе торчит над ним, как высокая труба над маленьким речным буксиром.

И видишь, что человек этот в сущности одинок и очень застенчив; трубка — своего рода символ принадлежности к интеллектуальной этике — помогает ему преодолевать сильнейший комплекс неполноценности...

А в другой роли из этих же «Четырех капель» Владимиров по-настоящему беспощаден к своему герою.

Характер читается уже по первой детали. Приземистый краснолицый мужчина, прочно усевшись на скамейке в электричке, достает из нагрудного кармана расческу, проводит ею по волосам и задумчиво, медлительно продувает.

Деталь, найденная, казалось бы, случайно — артист подсмотрел этот жест у одного забулдыги, топтавшегося возле пивной будки, — определяет дальнейший рисунок роли. Владимиров играет упоенного собою хама, обывателя до мозга костей. Потом его Селезнев узнает в другом пассажире своего бывшего одноклассника, вступит с ним в беседу, узнает, что одноклассник стал академиком, лауреатом Ленинской премии — и самая черная зависть, невероятное подозрение, что из-за успеха одноклассника сам Селезнев оказался в чем-то обделенным, будет переплетаться в душе этого малосимпатичного человека с раболепным преклонением перед «выбившимся» в большие люди знакомцем.

Психология обывателя раскрывается постепенно, по слоям...

Мастер точной психологической характеристики, мастер детали — Леонид Владимиров таков в каждой своей роли — от Кэлина в «Святая святых» до бессловесных ролей гостя в «Четырех каплях» и «человека из толпы» в «Трехгрошовой опере».

... Путь его в искусстве сложился необычно. Лет 20 с лишним назад студент IV курса Петрозаводского архитектурно-строительного техникума 17-летний Леонид Владимиров был приведен знакомым актером к режиссеру местного театра. Требовался исполнитель на роль десятиклассника Олега в пьесе В. Розова «В поисках радости». Юноша выдержал творческое состязание с тремя профессиональными артистами, тоже назначенными на эту роль, и был зачислен в труппу.

Потом работал в Ленинграде, в театре им. Ленсовета. Был ассистентом режиссера на постановках своего знаменитого однофамильца, народного артиста РСФСР Игоря Владимирова. В Вильнюсский театр пришел в 1972 году...

— *Дебют мой на вильнюсской сцене сложился неудачно, — вспоминает актер. — Играл абсолютно не свою роль. Первой своей настоящей работой считаю роль комиссара студенческого стройотряда Алеши в спектакле по пьесе М. Шатрова «Лошадь Пржевальского».*

— «Голубая» роль? — спрашиваю я, припоминая виденные в других театрах постановки этой пьесы.

— *Да нет, — отвечает Владимиров, — у нас она «голубой» не вышла. Моя фактура бытовая, характерная, она протестует против всякой «голубизны».*

...Если взглянуть в «послужной список» актера, бросится в глаза сосуществование в нем ролей двух планов: с одной стороны — роли деликатных, душевно тонких, интеллигентных людей (врач Саша Зеленин в «Коллегах» В. Аксенова, учитель Терехин в «Палате» С. Алешина), с другой стороны — роли сатирического плана, лежащие где-то на грани гротеска, требующие от актера незаурядной фантазии, позволяющие блеснуть рискованной, но абсолютно выверенной деталью (тот же Селезнев, затем отец невесты в «Точке зрения» В. Шукшина, оголтелый стяжатель Себейкин в «Старом Новом годе» М. Рощина).

Человечность — и беспощадное неприятие всего бесчеловечного, темного в людях. И при этом — пристальное, сочувственное внимание к своим героям, стремление понять их, найти глубинные причины, управляющие их поступками. Вот, к примеру, Мечеткин в драме А. Вампилова «Прошлым летом в Чулимске». Непривлекательный человек: путается под ногами, «качает права», грозится.

— *А у меня Мечеткин был такой: маленький, несчастный человечек, и вся его дурнота, игра в начальника — от несложившейся, одинокой жизни...*

Леонид Владимиров занимается и режиссурой. Один из поставленных им детских спектаклей — «Эй, прячьтесь!» по пьесе Казиса Сая — недавно получил премию Министерства культуры Литовской ССР. Другой — музыкальную сказку В. Новацкого и Р. Сефа «Емелино счастье» — маленькие таллинцы уже видели.

— *Главное, чтобы каждый спектакль был адресован ребятам вполне определенного возраста. Нужно помнить о детской непосредственности, о заразительной ребячьей фантазии, которой мы, взрослые, увы, не обладаем. Детские спектакли требуют ярких, чистых красок. Дети замечают все. Они не дают поблажки. Нарушена правда — и маленький зритель уже не принимает спектакль. И вместе с тем ребенок обладает удивительной способностью принимать театральную условность, игру... Я в этом убедился, когда ставил «Сказку о четырех близнецах» П. Панчева. Карусель обозначала все места действия, а скоморохи на глазах маленьких зрителей разыгрывали разные роли, в том числе женские — и дети с готовностью принимали условия игры.*

Сейчас Леонид Владимиров готовится к постановке первого своего спектакля для взрослых — пьесы П. Зинделя «Влияние гамма-лучей на бледно-желтые ноготки». Думал взяться за сказку В. Шукшина «До третьих петухов» — но пока отложил на неопределенное время.

У каждого актера есть своя главная роль, в которую он вложил все: душу, жизненный опыт и мастерство.

У Леонида Владимирова — это роль Кэлина в спектакле по пьесе Иона Друцэ «Святая святых», поставленном режиссером Иваном Петровым. Предельная искренность и чистосердечие, лиризм и сочность бытовых деталей, нравственный максимализм, яростное стремление к правде — вспомним, с каким ожесточением натягивает Кэлин свою выцветшую солдатскую гимнастерку с орденами, собираясь в город, за правдой... Этот привлекательный характер абсолютно достоверен, сыгран с редкой цельностью и силой. Высшей похвалой для артиста была оценка Иона Друцэ: писатель увидел в Кэлине, сыгранном Л. Владимировым, подлинно народный тип. О Кэлине—Владимирове можно много писать, и все же слова не в силах передать всю глубину постижения актером этого образа. Это нужно видеть своими глазами...

БОРИС ТУХ.